

Акоп Паронян

Высокочтимые попрошайки

eMatenadaran.

Акоп Паронян

Высокочтимые попрошайки

«Aegitas»

Паронян А.

Высокочитимые попрошайки / А. Паронян — «Aegitas»,

Сатирическая повесть «Высокочитимые попрошайки», написанная в 1888 г., по существу, представляет собой драматическое произведение, переделанное в прозу. Определяя идею своей повести, Акоп Паронян говорит, что он создал её «из желания показать грядущим поколениям плачевное бытие интеллигентов: нашего времени и ужасное равнодушие толстосумов к национальной культуре».

© Паронян А.

© Aegitas

Содержание

1	5
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Акоп Паронян

Высокочитимые попрошайки

1

В тысяча восемьсот семьдесят... уж не помню, каком, тридцать первого сентября... нет, простите, я оговорился, тридцатого, поелику в сентябре дней всего лишь тридцать, невысокий, дородный мужчина в длиннополом, просторном балахоне, только что высадившийся с трабзонского парохода¹, на пристани Галаты, кряхтя и натуживаясь, вытаскивал из причаленной к берегу лодки свою поклажу.

Видите, как просто я начал? Дабы сделать повествование своё как можно занимательнее и благодаря этому, по выходе его в свет, продать лишних несколько сот экземпляров, я мог бы сказать, что в тот день был сильный холод и шёл проливной дождь, что по направлению к площади Галаты бежала густая толпа народа, что на этой площади полицейские задержали какую-то девицу, что... и тому подобное, но не в пример нашим романистам, ничего этого я не сказал, потому что в тот день не было ни холода, ни дождя, ни валившей по улице толпы и никакой задержанной кем-то девицы...

Итак, нисколько не колеблясь, примите на веру сию историю – действительный случай, заимствованный из современной жизни.

Наш новоприезжий имел пару больших и чёрных глаз, пару толстых и чёрных бровей, пару длинных ушей и пару... нет, разумеется, лишь один нос, однако ж, он, право, сошёл бы и за два... А выражение лица новоприезжего было такое, что если б господин Вардовян² увидел этого человека своими глазами, то не преминул бы обратиться к нему с вопросом: «Сколько жалованья вы попросили бы, предложи я вам играть на нашей сцене роли идиотов?»

Выгрузив из лодки сундуки и увязанную в чехол постель и расплатившись с лодочником, новоприезжий крикнул носильщика. К нему подбежали сразу пятеро. Не подлежит сомнению, что позови он пятерых, пред ним предстали бы двадцать пять, ибо так уж заведено у нас в столице..

– Тебе в какую сторону, ага? – спросил один из носильщиков, поставив ногу на обвязанный верёвкой сундук.

– Пера, улица Цветов, номер 2.

– Пера, улица Цветов?... Понятно. Это хорошая улица, – сказал носильщик и, взяв стоявший возле него большой сундук, пустился в путь.

– Улицу Цветов я тоже знаю, – сказал второй носильщик и, схватив другой, не менее вместительный сундук, заторопился в ту же сторону.

– Я каждый день бываю в Пера, – сообщил и третий, и новоприезжий не успел оглянуться, как тот ухватился за его зачехлённую постель, вскинул её на плечо и побежал.

Все эти действия совершились с быстротой невероятной, так что человек в балахоне прямо-таки обомлел; с выражением крайней растерянности он начал озираться по сторонам в надежде увидеть своих носильщиков, которых, однако, уже и след простыл.

– Что за безобразия! – закричал наконец новоприезжий, топоча ногами. – Куда они унесли мои сундуки? Мою постель? Моё добро? Какое им дело до моих сундуков? До моей постели?... Какие, оказывается, нахалы, эти здешние люди... Что ни увидят, берут и уносят.

---

¹ ...с трабзонского парохода... – Трабзон (Трапезунд), портовый город в Турции.

² Вардовян – Акоп Вардовян, западноармянский театральный деятель в 70–80 гг. актёр, антрепренёр.

– Улицу Цветов мы тоже знаем, ага, дай и нам что-нибудь отнести, – заговорили вдруг и остальные носильщики.

– Да провалитесь вы все вместе с этой улицей Цветов! – ещё пуще закричал новоприезжий, весь красный от гнева.

Оба носильщика, расхохотавшись, медленно удалились, и новоприезжий уж собрался было пуститься в погоню за своими вещами, как к нему подлетел, нервно потирая руки, высокий, темнолицый, с маленькими глазками человек; с насильственной улыбкой на губах, он деликатным манером одною рукою обнял его за талию и спросил:

– Это вы и есть Абисогом-ага? Только что прибыли? На каком пароходе? Как чувствуете себя? Как поживает ваш брат? Хорошо ли идут в Трабзоне наши национальные дела? Почём там нынче хлеб? Был ли на днях в вашем городе ливень?.. Ах, Абисогом-ага! Ах, ах!..

– Да, я и есть Абисогом-ага, только что приехал, на турецком пароходе, чувствую себя хорошо, брат мой также, национальные дела... у нас тоже идут хорошо, хлеб стоит один гуруш... Нет, не было в Трабзоне ливня, – торопливо отвечал человек в балахоне точно с неба свалившемся незнакомцу.

– Будьте великодушны, простите, вселюбезнейший, что я не смог приехать на пристань. Я знал, мне сообщили из Трабзона, что на этой неделе вы непременно прибудете к нам.

– Я на такие мелочи не смотрю и не обижаюсь.

– Наша столица почтёт за счастье лицезреть такого, как вы, соотечественника... столь одарённого, столь здравомыслящего...

– Мои сундуки...

– Столь честного и благородного...

– Носиль...

– Патриота...

– ...щики...

– Преданного нации, образованного, просвещённого...

– Сунду...

– Добропорядочного...

– ...ки мои унесли.

– Добросердечного, возвышенного...

– В моих сундуках таких вещей не было, – произнёс вконец ошеломлённый Абисогом-ага и устремился вперёд.

– Хоть вы меня и не знаете, но я очень хорошо знаю и вас и всё ваше семейство. Блаженной памяти родитель ваш был подписчиком моей газеты. Добрый был человек, нищим в милостыни не отказывал, бедных девушек замуж выдавал, всех, кто обращался к нему за помощью, убогачивал. Подобные милосердные люди должны бы жить возможно долее, но, увы, безжалостная смерть сперва уносит добрых... Оставим, однако, прошлое и поговорим о чем-нибудь другом. Покойно ли вам было на пароходе?

– Очень, очень! Ел, пил, спал, – ответил Абисогом-ага и надал ходу.

– Если б вы сказали, что вам было не так уж покойно, в завтрашнем же номере моей газеты я обратил бы внимание общества на этот факт, – проговорил редактор, ускоряя шаги.

– Благодарствую.

– Скажите мне, пожалуйста, сколько вам лет?

– Сорок.

– Вы, если не ошибаюсь, купец?

– Да... Но коли хочешь паспорт мне выправить, так не хлопочи: у меня один уже есть.

– Вы меня не поняли... В завтрашнем номере моей газеты я извещу читающую публику, что вчера в нашу столицу прибыл уважаемый Абисогом-ага, который известен нашим

соотечественникам не только как коммерсант... именитый купец, но и как... языковед. Турецкий язык вы, конечно, знаете?

– Не суть важно, всё равно я должен написать, что вы и языковед, и вообще отозваться о вас с похвалой.

– В своей газете ты пишешь про всех, кто приезжает в Константинополь?

– Да, почти про всех, если дело идёт о почтенных соотечественниках.

– А про тех, кто уезжает из Константинополя, пишешь?

– Да, но опять-таки, если это почтенные люди.

– Очень хорошо! Напиши тогда и про меня, я тоже из почтенных. Являюсь в нашем городе хозяином земель, поместий, быков, коров... Не забудь написать и это... – сказал он с таким видом, будто был уверен, что обнародование этих сведений принесло бы ему немалую выгоду.

– Уж не беспокойтесь, извольте, я напишу и об этом... следуя велению справедливости и совести.

– Имею ещё и двух-трёх слуг. Можешь сказать и про них несколько слов где-нибудь в конце своей газеты?

– Почему бы и нет?

– Имею ещё и золотые часы с цепочкой, я их спрятал, чтоб на пароходе не стянул кто. Про эти часы тоже надо сказать? – полюбопытствовал Абисогом-ага, уже забывший о своих сундуках.

– Да нет, не стоит.

– Согласен, но всё остальное пропечатай-ка в газете на самом видном месте.

– Я так и думаю поступить.

– Большими буквами пропечатай.

– Уж будьте уверены – самыми крупными.

– А ежели приехал или уехал бедный человек, о нём ведь не пишете, правда?

– Ни в коем случае! Имена неимущих нами никогда не упоминаются.

– Значит, получается, что вы каждый день приходите на это место, разговариваете здесь с приезжающими, и уезжающими богачами и потом печатаете их имена, чтобы все жители Константинополя знали, кто из богачей приехал или уехал... Это хорошо. Стало, и я завтра вечером увижу своё имя в твоей газете, да?

– Да, конечно. Теперь дайте-ка мне ваш адресок, я пришлю вам с курьером завтрашний номер.

– Пера, улица Цветов, номер 2.

– Прекрасно, – сказал редактор и, вынув из кармана лист бумаги, вписал имя Абисогома-аги в какой-то список.

– Пришли мне газету утром, хочу пораньше прочитать своё имя и всё остальное...

– Пришлю вечером, моя газета выходит к концу дня.

– Как бы ты меня обрадовал, если б завтра твоя газета вышла утром. Но не беда, лишь бы моё имя вы напечатали большими буквами.

– Слово своё сдержу, завтра вечером непременно пришлю вам газету, вместе с квитанцией.

– С квитанцией?.. Но ты же сказал, что с курьером. Кто эта квитанция?

– Квитанция – всего лишь бумага, на которой мною будет написано: получил от досто-читимого Абисогома-аги годовую подписную цену... полтора, да, итого полтора золотых... И эта бумага даст вам право целый год получать мою газету.

– Весь год будете печатать моё имя и всё остальное?

– Нет, вы просто станете подписчиком моей газеты, уплатив полтора золотых.

– Полтора – не много ли, а? Три четверти было бы как раз.

- Мы, редакторы, смею заметить, о цене не торгуемся.
  - Ну хорошо, пришли мне свою газету и свою бумагу, поладим...
  - Однако вы же не думаете, что я поспешил встретить вас здесь из-за этой бумаги? О, нет! Это было бы слишком мелко с моей стороны. Просто я счёл долгом выразить тем самым своё дружеское расположение.
  - Известно.
  - Неужели вам может вдруг показаться, что этот человек, то есть я, пожелал увидеть вас лишь для того, чтобы выговорить себе полтора золотых?
  - Не может, нет.
  - Между тем, как это ни прискорбно, есть нищенствующие редактора, которые, с целью ограбления состоятельных новоприезжих, встречают здесь чуть ли не все пароходы... Я этого себе не позволяю... Я хочу жить, как подобает почтенному человеку.
  - Понимаю – хочешь жить, как подобает почтенному человеку.
  - И о вашем со мною свидании, пожалуйста, никому не рассказывайте, поскольку водятся-таки среди нас жалкие субъекты, своего рода мошенники, которые пишут всякие там дурацкие жизнеописания и в них перемывают мне косточки.
  - Понимаю – перемывают тебе косточки.
  - Возьмём хотя бы сегодняшний случай. Я счёл необходимым прийти и поздравить вас с приездом, пришёл и поздравил, мы разговорились, и я обещал обнародовать ваше имя в моей газете, вы же, будучи здравомыслящим соотечественником, стали одним из моих подписчиков... Скажите мне на милость, разве я вас принудил подписаться?
  - Да нет.
  - Наставил на вас револьвер?
  - Да нет, зачем же?
  - Грозил вам ножом?
  - Нет, нет. Но неужели бывает и так, что, когда подписывают кого, револьвером грозятся, ножом пырнуть норовят?
  - Вы меня не поняли, прошу прощения. Я хочу сказать только что вы по собственной воле подписались на мою газету.
  - Да, да.
  - И что при данных обстоятельствах я не сделал ничего дурного. Напротив, я поступил великодушно, обещав...
  - Без сомнения.
  - Я же не поступил подобно тем редакторам, которые тотчас берут вас за горло, едва вы сходите с парохода?
  - Нет, эти разбойники не имеют никакого права перемывать тебе косточки... Ты положишь на меня.
  - Благодарю вас, весьма признателен. Всего вам хорошего, Абисогом-ага, пожалуйста как-нибудь к нам в редакцию на чашку кофе.
  - Хорошо, на днях приду. А насчёт завтрашней газеты, стало быть, не забудь.
  - Будьте спокойны. – И с этими словами редактор откланялся.
- Оставшись один, Абисогом-ага зашагал быстрее и пустился в рассуждения: «Я сам себе не кажусь таким уж большим, каким, видать, кажусь этому редактору. Но, наверное, он лучше разбирается в людях, ведь он редактор и человек учёный... Те, которые завтра увидят в газете моё имя, ясное дело, всполошатся, и каждому захочется прийти ко мне... Поэтому завтра я должен нарядиться в свою воскресную одежду, а также надеть и золотые часы с цепочкой. Напрасно я и слуг своих с собой не привёз. Но откуда я мог знать?.. Завтра всем станет известно, что в Константинополь приехал один большой человек – благородный, благонравный, благомыслящий, благодетельный, благо... и бог весть ещё какой. И каждая жена мужу

своему скажет: «Давай дочь нашу за этого Абисогома-агу выдадим». А муж ответит: «Ещё посмотрим, захочет ли Абисогом-ага на нашей дочери жениться? Скорее он на девушке из богатой семьи жениться захочет». И после такого ответа муж и жена заспорят между собой и раздерутся. Ну и бог с ними... Зато чем больше разговоров обо мне будет, тем быстрее покончу я со своим делом – присватаюсь к какой-нибудь богатой барышне и же...».

Тут Абисогом-ага вдруг осёкся, ибо невзначай столкнулся с вожакom каравана тяжело навьюченных ослов: погружённый в свои мысли, он не обратил внимания на шедших навстречу ему животных, которых на главной улице Пера всегда предостаточно.

– Посторонись, – сказал погонщик-перс Абисогому-аге, повидимому, желая оправдать своего ишака.

– Ты бы это чуть раньше сказал, я и посторонился бы, – проговорил наш новоприезжий и продолжал свой путь.

2

Носильщики не только никогда не видели улицы Цветов, но и слыхом не слыхали об ней, однако, следуя примеру известного разряда людей, которые прикидываются знающими то, чего не знают, и которым в нашей нации несть числа, они взяли на себя смелость сказать Абисогому-аге, что улица Цветов им хорошо знакома.

Эта смелость, а вернее, наглость, конечно же предосудительна, однако куда наглее поступают люди, которые обучались поварскому искусству, а сами подвизаются на поприще критики, или, немного позанимавшись геометрией, разглагольствуют о законах движения звёзд, или, вскормив пару гусей и две пары коров, обсуждают вопросы воспитания, или, произведя на свет одного ребёнка, пускаются в рассуждения о том, на какой именно точке земного шара произошёл первый человек, или, наконец, в разговорах своих порой касаются таких материй, в коих решительно ничего не смыслят. Да, эти люди, безусловно, заслуживают более сурового осуждения, нежели носильщики, потому что критика, или астрономия, или педагогика и прочая отнюдь не то же, что улица Цветов, которую можно легко выучить, то бишь найти, расспрашивая встречных. И действительно, носильщики, то и дело справляясь о местонахождении улицы Цветов, нашли-таки эту улицу и вскорости постучались в ворота дома номер 2. Замечу мимоходом, что я знаю множество ораторов, которые, проговорив семь-восемь часов, так и не находят искомой улицы и вынуждены блуждать по другим улицам, заставляя тащиться по ним и своих слушателей.

Едва только носильщики постучались, дверь отворилась, и перед ними предстала пожилая женщина с длинным смуглым лицом, которое было сплошь исчёркано временем – точно так, как редактор еженедельника «Масис»³ исчёркивает рукопись в четыре строчки, сообщающую о чьей-то кончине либо о чьей-то женитьбе. Носильщики, переступив за дверь, опустили свои ноши на пол и принялись вытирать физиономии.

---

³ «Масис» – консервативная армянская газета, издававшаяся в Константинополе с 1852 по 1889 г.; некоторое время выходила раз в неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.